Ю. В. Ермолина

НАУКА И ВНЕНАУЧНЫЕ ФОРМЫ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ МАГИИ)

Работа представлена кафедрой социологии, культурологии и политологии Орловского государственного технического университета.
Научный руководитель – кандидат философских наук, профессор Г. Ф. Назарова

В статье показано соотношение научного и вненаучного знания, их место в современной культуре. Рассматривается магия как форма вненаучного знания. Проведен сравнительный анализ определений понятия «магия». Дается авторское определение магии.

Ключевые слова: научное знание, вненаучное знание, магия, рациональное, иррациональное, первобытное мышление, сверхъестественное, сознание.

The paper shows the correlation of science and out-of-science knowledge, their place in modern culture. Magic is examined as a form of out-of-science knowledge. The comparative analysis of definitions of the notion «magic» is conducted. The author's definition is given.

Key words: science knowledge, non-science knowledge, magic, rational, irrational, primitive thinking, over-natural, consciousness.

Познание не ограничено сферой науки, знание в той или иной своей форме существует и за пределами науки. Появление научного знания не отменило и не упразднило, не сделало бесполезными другие формы знания. Полная и всеобъемлющая демаркация – отделение науки от вненауки – так и не увенчалась успехом до сих пор.

Термин «вненаучное знание» и его вариации – паранаука, лженаука и т. п. – не имеют общепризнанного однозначного смысла. Мы будем исходить из представления, согласно которому знание о мире запечатлевается и в общественном, и в индивидуальном сознании в двух взаимодополняющих формах: образной или иррациональной и рациональной или научной.

Многие формы вненаучного знания старше знания, признаваемого в качестве научного, например, астрология старше астрономии, алхимия старше химии. В истории культуры многообразные формы знания, отличающиеся от классического научного образца и стандарта и отнесенные к «ведомству» вненаучного знания, объединяются общим понятием – эзотеризм, в котором прослеживаются три основных направления: гадания, магия и спиритизм. Категория «магия» является наиболее сложным явлением и понятием, требующим глубокого научного исследования.

В научной литературе насчитывается множество определений магии. Мы считаем целесообразным все определения магии разделить на две группы.

В первом случае магия является предметом исследования науки и изучается учеными самых разных специальностей и научных дисциплин. Ученый, как правило, в своих исследованиях опирается или на собственные наблюдения и лабораторные опыты, или использует различные вторичные источники.

У Дж. Фрезера и Б. Малиновского мы находим следующие определения магии.

Так, Дж. Фрезер считал, что «магия – это ассоциация идей, между которыми не существует реальной причинной связи; магия позволяет умному человеку доминировать над остальными» [8, с. 156].

В свою очередь утверждение Б. Малиновского сводится к тому, что «магия – это специфическая и уникальная власть, которая принадлежит только человеку и обнаруживает себя только в магическом искусстве, изливается человеческим голосом и передается волшебной силой обряда. Магия имеет три функции – производить, защищать и разрушать, и имеет три элемента – заклинания или песнопения, обряд и статус осуществляющего колдовство, он обычно проходит процесс очищения, который изменяет состояние его сознания» [5, с. 67].

Основатель феноменологической социологии П. Бергер сформулировал свое понимание магии: «Магию можно определить как путь к сверхъестественному посредством погружения в предполагаемые “глубины” сознания самого индивида» [1, с. 36].

Далее обратимся к определению магии, данному С. А. Токаревым. Под магией исследователь понимал «только те обряды, которые имеют целью непосредственного воздействия человека сверхъестественным образом на тот или иной материальный объект и которые не связаны при этом с анимистическими представлениями» [6, с. 414].

Современный исследователь М. Томпсон в монографии «Философия религии» считал, что магия – это «…переживание, при котором появляется ощущение единства, лежащего в основе всего, чувство разрушения всех обычных барьеров между собственной личностью и внешним миром, выхода за пределы нашего нормального осознания пространственных и временных ограничений» [7, с. 33]. При этом специфика магии, по мнению М. Томпсона, заключается в преодоление разделения между субъектом и объектом, маг сам становится объектом своего созерцания.

Исходя из приведенных выше утверждений, можно сказать, что определение магии происходит при полном усвоении позиций самих субъектов. Таким образом, магия предстает исключительно как субъективно-психологический феномен, вне его связи с другими факторами, например объективными. Фактически во всех этих определениях допускается объективное существование некоей первопричины.

Ко второй группе мы отнесли высказывания, в которых магия определяется последователями этого феномена.

По мнению последователя магии Алистера Кроули, магия, колдовство и волшебство – разные по своей сущности феномены. Магию он определяет, как «науку и искусство изменять жизненное пространство в соответствии с волей. Магия – наиболее логична и жестка, склонна к техногенности. И часто изначально ставит целью “рехтовку” окружающего под задачи оператора магического процесса» [3, с. 45]. Колдовство же, по мнению А. Кроули, более приближенно к природе, более естественно. Если магию можно причислить к науке, колдовство ближе к искусству. Колдовство более мягко и самобытно. В свою очередь, волшебство он определяет как возникновение чуда как бы «само собой» – из естественно проявленных паранормальных свойств человека, который просто живет так, что чудо его сопровождает [3, с. 45]. Исходя из своих умозаключений, А. Кроули приходит к выводу, что магия более наукообразна и жестка, колдовство – более природно и мягко, а волшебство – рождается естественно из способностей человека.

Следующее определение магии было предложено Куртом Кохом в его книге «Между Христом и Сатаной»: «Магия –

это способность или, по крайней мере, попытка к познанию и управлению духовным миром, управлению людьми, животным и растительным миром, а также неживой материей при помощи потусторонних сил или мистических ритуалов» [2, с. 124.].

Из представленных выше дефиниций магии, очевидно, что гносеологический анализ этого феномена невозможен в отрыве от ее онтологической сущности. Иными словами, перед исследователем всегда будет возникать проблема истолкования магии.

Нам представляется, что на уровне социально-философских обобщений магию необходимо определять в рамках более широкого социокультурного контекста. Мы предлагаем следующее определение понятия «магия»: магия есть исторически обусловленный способ духовно-практического освоения действительности, основанный на вере в возможность сверхъестественного воздействия на объекты окружающего мира со стороны человека, овладевшего соответствующими знаниями.

Отметим, что научное изучение этого феномена началось с исследования первобытной магии.

В исследовании первобытного мышления можно выделить две точки зрения. Первая – это работы Л. Леви-Брюля, вторая – работы Б. Малиновского. Именно Л. Леви-Брюль стал автором самого термина «первобытное мышление». Согласно его концепции, первобытное мышление принципиально ненаучно, нерационально и даже антирационально [4, с. 57].

Однако пользовавшаяся одно время огромным успехом данная концепция утратила свое влияние, так как не могла ответить на вопрос: каким образом возникли наука и рациональное познание и наше сегодняшнее рационалистическое мировоззрение? Это произошло потому, что мир «дикарей» оказался принципиально отделенным от нашего сегодняшнего рационального мира.

В противоположность Л. Леви-Брюлю Б. Малиновский показал, что мир «дикарей» вполне рационален и полон научных или протонаучных оснований, без которых просто не могли бы практиковаться те сложные формы деятельности, которыми наполнена жизнь даже самых, казалось бы, примитивно организованных народов. Взять хотя бы выращивание культурных растений, которое было невозможно без наличия определенных знаний в области метеорологии, почвоведения, ботаники и пр. Вместе с тем этот мир был пронизан магией.

Б. Малиновский выделил две «точки» соприкосновения магического мира и рационального мира в сознании первобытных людей: магия кризиса и магия сопровождения [5, с. 121]. Магия кризиса состояла в том, что человек прибегал к магии в кризисные моменты своей жизни, когда не мог обнаружить рациональным путем выхода из кризисных ситуаций, т. е. когда не мог управлять своей жизнью в этом мире, например попав в шторм, заблудившись в лесу, тяжко заболев и т. д. Человеку не оставалось ничего, как искать выход, обращаясь к духам. К магии сопровождения он обращался с большей регулярностью. Практически каждый значимый шаг, каждое сколько-нибудь значимое предприятие – сев, сбор урожая, закладка дома, морское путешествие и т. д. – сопровождалось магическими обрядами.

При этом ни у кого не возникало сомнения, ставить ли на первое место расчет, а на второе – магию или, наоборот, сначала магию, затем – расчет. Именно на эту параллельность существования рационального и магического в сознании первобытных людей и обратил внимание исследователь.

В последующие эпохи, вплоть до расцвета европейского модерна, мы находим то же самое сочетание религиозно-магических и рационально-научных подходов и процедур в мировоззрении и деятельности самых, казалось бы, передовых и рационально мыслящих представителей человечества. Причем существовали они даже не параллельно друг другу, а в неразрывной связи, как, например, в алхимии или астрологии, где налицо было органичное сочетание этих самых двух подходов. Так, Мирча Элиаде писал о существовании, наряду с техническо-эмпирической, также космогонической и сотериологической, ориентированной на спасение души, на достижение высшего блага, функций алхимии. И произошедшее на заре Нового времени становление химии, например, оказалось с точки зрения содержания не столько подъемом науки на новую ступень, достижением нового, более высокого уровня знания, сколько утратой магического содержания алхимии и выходом на передний план ее «научного», эмпирического компонента [10, с. 45]. Отметим, что становление современной науки повсюду, во всех областях жизни и деятельности, знаменовалось ее объективизацией и рационализацией, сопровождающейся утратой смыслообразующего магического компонента.

«Одним из важнейших результатов нашего исследования, – отмечал Элиаде в статье «Вавилонская космология и алхимия», – является доказательство разложения древних “природных наук”, одновременно представлявших собой сотериологические техники и космогонические знания и превращения их в техники эмпирические. Когда утрачивается традиционный смысл определенной науки или практики, человек по-новому использует и оценивает материал знания. Существует закон сохранения материала, который лишь венчает закон разложения смысла, подразумевающий любые искажения, любую утрату или забвение некоего изначального значения... История умственной жизни человечества, отнюдь не будучи непрерывной эволюцией, пронизана ритмами упадка и отмирания основополагающих интуиции... и важнейшие этапы постепенного разложения одних ментальных синтезов, ни в чем не уступающих другим, последующим, могут быть реконструированы» [10, с. 45].

И, тем не менее, претензии современной науки всеобъемлемы. Как считает Л. Г. Ионин, «довольны мы или не довольны ее результатами, склонность к магической постановке вопросов, к магическим действиям, для современного человека как бы априори предполагает отказ от научного познания и эмпирической ориентации в организации действия. Термины “магический”, “ненаучный” носят оценочный характер. “Ненаучный” означает “неполноценный”, “необязательный”, “не внушающий доверия”, “стоящий на низшей ступени в иерархии форм познания”» [1, с. 38]. Современный язык, так же как современное рационалистическое научное мировоззрение, не предполагает возможной дополнительности или, по крайней мере, параллельности существования этих двух способов познания и деятельности. В этом смысле он отрицает и магию дикарей Б. Малиновского, и древнюю алхимию, как она изображается М. Элиаде. Из мировоззрения человека этих эпох остаются достойными внимания только рационалистические «научные» элементы. Именно они, как правило, выступают в роли протонауки. Все остальное – это «донаучное», т. е. неполноценное. Если же магическое каким-то образом вторгается в современную жизнь, оно уничижается как суеверие, слепая вера либо вообще как шарлатанство. Каж-

дый из фактов проявления магического должен быть проверен наукой, т. е., по существу, разоблачен с позиций научного рационалистического мировоззрения. Современное научное мировоззрение с необходимостью предполагает «разоблачение» магии. Считается, что сосуществовать они не могут.

Вместе с тем в современном обществе как познание, так и организация деятельности не ограничиваются методами, основанными на принципах научной методологии. Наоборот, подавляющее большинство наших познаний и действий, реализующихся в жизни, зиждутся на нерефлексируемых приемах повседневного знания и деятельности, которые Г. Гарфинкель называл «этнометодами» [10, с. 39] и которые, «с точки зрения структуры вывода и эмпирической обоснованности, не отвечают требованиям научной методологии. Но не только в ситуациях так называемой повседневной жизни, но и во множестве других контекстов – успешно практикуемые и общепризнанные методы познания противоречат требованиям, которые должны были бы предъявляться к ним, если бы они претендовали на статус научно обоснованных методов» [9, с. 40].

Подведем итог вышесказанному. Наука – это творчество, которое не может обойтись без воображения, проявления которого сохраняются в ней и на уровне выдвижения гипотез, и на уровне построения концептуального аппарата. Творчество является основой любой духовной деятельности человека, следовательно, оно выступает в качестве связующего звена между научным и вненаучным познанием мира.

Категория «вненаучное» не есть некое вместилище для остатков бытия, которые не освоены научными методами. Бытие едино, в нем самом нет двух противостоящих друг другу сфер: научное и вненаучное. Они являются характеристиками одного и того же образования и неизбежно взаимопроникают друг в друга. Это порождает относительность критериев научности, известную схожесть между наукой и вненаучными формами сознания. Вненаучное всегда присутствует в научном. Для осуществления научных решений проблем вненаучное не только нельзя обойти, оно – необходимо.

Это, разумеется, не исчерпывающие доводы, которыми можно характеризовать соотношение науки и вненаучных форм знания. Важно, что ни одна вещь и ни одно явление не могут быть описаны целиком какой-то одной из этих парных категорий; в каждой вещи и в каждом явлении присутствует и научное, и магическое, а значит, каждая вещь и каждое явление подлежит «ведению» и магии, и науки.

Многие зарубежные и отечественные мыслители высказывали интересные суждения о магии, специально не занимаясь сущностью этого феномена. Определение магии претерпело генезис от наивной веры «дикаря» до исторически обусловленного способа предметно-практического освоения действительности, основанного на вере в возможность сверхъестественного воздействия на объекты окружающего мира со стороны человека с помощью магических знаний. О магии можно говорить в узком смысле слова, имея в виду непосредственные формы воздействия человека на предметы внешнего мира или людей, и в широком смысле слова, когда магия предполагает опосредованное (духами или Богом) воздействие.

Как показывают исследования, магические представления возникли на самой ранней ступени развития сознания и тесно связаны с мифологией. Как древ-

нейший способ предметно-практической деятельности магия основана на вере в сверхъестественные возможности человека, и в этом качестве она окажется близкой религиозному сознанию.

Процесс рассмотрения современной магии не может и не должен носить только умозрительный характер, а должен приближаться как можно ближе к фактам, чтобы как можно слабее были связи детерминации образа магии ответами на обозначенные и не обозначенные выше «вечные вопросы». Кроме того, из тех же приведенных выше фактов следует, что каждый человек сам формирует свой субъективный образ магии. И это означает, что любое исследование и любая трактовка магии всегда будут оспариваться, исходя не только из научных, но и общих, в том числе и обыденных представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ионин Л.* Парадоксальный сон. Статьи и эссе. М.: Университетская книга. 2005. 320 с.
2. *Кох К.* Между Христом и Сатаной. М.: Изд-во Крегеля. Гранд Рапидз, 1999. 246 с.
3. *Кроули А.* Магия в теории и на практике. М.: Локид, Миф, 1998. 346 с.
4. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1994. 530 с.
5. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / Пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1998. 265 с.
6. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: ИПЛ,1990. 615 с.
7. *Томпсон М.* Философия религии. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 390 с.
8. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии // Антология мысли / Пер. с англ. М. К. Рыклина Эсмо. 2006. 356 с.
9. *Филмер П.* Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // Новые направления в социол. Теории. М., 1978. 508 с.
10. *Эллиаде М.* Азиатская алхимия. М., 1998. 325 с.